

Типы недавняго прошлаго.

(Діаконъ о. Іаковъ и псаломщикъ Василій Нилычъ).

Оба они много лѣтъ служили въ с. Суходолѣ. Въ то время, когда я познакомился съ ними, имъ обоимъ вмѣстѣ было около полутора ста лѣтъ. Старички, какъ видите, очень почтенные. Теперь ужъ ихъ нѣтъ на свѣтѣ: о. дьяконъ умеръ болѣе десяти лѣтъ тому назадъ, а Нилычъ—всего года два. Называя послѣдняго просто Нилычемъ, а не Василиемъ Нилычемъ, какъ бы слѣдовало, я не боюсь этимъ оскорбить его память: онъ всѣмъ былъ извѣстенъ подъ именемъ Нилыча, и многіе прихожане даже и теперь знали его имени.

О. дьяконъ, когда я узналъ его, былъ уже хилый, ветхій; можно сказать, ходилъ разслабленной походкой; сѣдые, серебряные волосы его на головѣ и въ широкой бородѣ начали прорѣдѣть уже желтоватый, золотистый оттѣнокъ. Здоровье у него было слабое, онъ часто прихварывалъ и не являлся къ службѣ. Нилычъ былъ на немного моложе дьякона, но крѣпкій и здо-

ровый. „Это оттого, говорили про него мужики, что Нилыч и зиму и лѣто ходитъ въ валенкахъ“. Дѣйствительно, онъ кожаныхъ сапогъ никогда не носилъ, зимою валенки и лѣтомъ валенки; только лѣтніе были, такъ сказать, особой конструкціи: обшиты, на случай грязи и сырости, здоровенною кожею и подбиты основательными гвоздями. Ходили они оба, и дьяконъ и дьячокъ, въ старенькихъ, „затасканныхъ подрясникахъ, у Нилыча всегда была заплетена жиденъская косичка— „крысій хвостикъ“, которую онъ расплеталъ только за службою въ великіе праздники, а когда работалъ лѣтомъ на дворѣ, онъ всегда что нибудь дѣлалъ по хозяйству, то подрясникъ снималъ, и косичку привязывалъ ниткой къ поясу.

Жили они, дьяконъ съ Нилычемъ, не совсѣмъ дружно. Не то чтобы ссорились или строили козни другъ другу, а такъ просто не симпатизировали одинъ другому. У о. дьякона былъ теноръ, у Нилыча— басъ. Бѣда, если дьяконъ начнетъ ектенію не въ тонъ: Нилычъ недовольно ворчитъ на клиросѣ, бормочетъ нѣчто нелестное по адресу дьякона. Зато дьякону доставляло большое удовольствіе, когда Нилычъ во время чтенія или пѣнія закашляется (его часто мучилъ удушливый кашель, отъ котораго онъ всегда сосалъ леденецъ).

О. дьяконъ былъ очень несчастенъ. И видъ у него былъ такой забитый, запуганный. На самомъ дѣлѣ, жизнь его была очень некрасна. Сильно обижала его дьяконица— особа суровая и самовластная. Бѣдный дьяконъ и пикнуть предъ нею не смѣлъ. Вообще онъ былъ такой тихонькій, скромный, существо вполне беззащитное, настоящій младенецъ. Къ такимъ людямъ чувствуется невольная симпатія. Далекое не таковъ былъ Нилычъ. Видъ у него былъ суровый, характеръ— замкнутый, несообщительный; онъ былъ вѣчно чѣмъ нибудь недоволенъ, вѣчно его маленькіе глазки смотрятъ сердито, какъ у ежа изъ подъ нахмуренныхъ щетинистыхъ бровей. Да, по правдѣ говоря, и мудро было Нилычу имѣть открытый, общительный характеръ. Нелегкое было и его житье! Дьячковскіе доходы не Богъ вѣсть какіе, а надо

дѣтей воспитывать... Священники тоже бываютъ разные: надо все угодить, услужить—Нилычъ туда, Нилычъ сюда...

Приблизительно за полгода до смерти дьякона вдругъ приходитъ изъ Консисторіи указъ (тогда былъ еще Преосвященный Гурій): „дьяконъ Покровскій увольняется за старостью за штатъ“! Вотъ несчастье то! Что дѣлать? „Нечего долго раздумывать—надо ѣхать къ Владыкѣ,“ рѣшила дьяконица и стала собирать дьякона къ архіерею—покажи—де ему, какой ты старикъ! служить что ли не можешь? Отправился нашъ дьяконъ. Черезъ три дня пріѣхалъ изъ Самары сіяющій.

— Все улажено въ самомъ прекрасномъ видѣ, заявилъ онъ батюшкѣ и семьѣ.—Заставилъ меня Преосвященный служить въ Крестовой,—разсказывалъ потомъ дьяконъ:—я какъ началъ первымъ теноромъ отчеканивать, только держись! Архіерей подозвалъ меня послѣ обѣдни и говоритъ: „Ты, о. Покровскій, служишь хоть куда. По твоему тенору—тебя хоть въ иподіаконы и то въ пору“, говоритъ Владыка, а самъ смѣется. То-то, думаю себѣ, браковать нами, стариками, не приходится...

Такъ или нѣтъ было дѣло—неизвѣстно, но о. діаконъ такъ и прослужилъ въ своемъ санѣ до смерти.

Съ Нилычемъ, уже лѣтъ шесть послѣ смерти дьякона, случилось тоже нѣчто подобное, но только въ обратномъ, лучшемъ смыслѣ: его вызвали въ Самару для рукоположенія въ діакона. Вотъ было радости-то! Но недолго радовались. Какъ обсудили хорошенько, то увидѣли, что радоваться дьяконству совершенно не приходится.

— Куда тебѣ Василій Нилычъ, въ дьякона?—говоритъ ему жена.—Посмотри на себя, ты ужъ старый старичекъ, вошь какъ кашляешь. Какой изъ тебя выйдетъ дьяконъ—горе одно.

Много ты понимаешь! Баба ты, баба и есть,—скажетъ съ неудовольствіемъ Нилычъ (онъ въ семейныхъ отношеніяхъ былъ похожъ на дьякона: семью держалъ въ большой строгости).—Какой я старикъ? Да хоть бы и старикъ, что—на дьяконство воду возять что-ли? А развѣ плохо умереть въ священномъ санѣ діакона? Эхъ, скажетъ тоже...

Снарядили Нилыча: сшили ему новый подрясникъ, взяли у кого-то напрокатъ сапоги, вымыли его въ банѣ, отчистили (онъ не любилъ бани; говорилъ, что отъ частаго мытья волосы лѣзутъ и поэтому ходилъ въ баню не особенно часто—разъ пять въ годъ),—снарядили и отправили къ архіерею. Для храбрости Нилычъ должно быть немножко выпилъ въ Самарѣ. Хоть онъ и храбрился, а все-таки—итти къ архіерею для стараго сельскаго дьячка—событіе исключительной важности. Выпилъ немножко, да и сорвался... (онъ пилъ запоемъ черезъ очень большіе промежутки).

Явился Нилычъ черезъ недѣлю домой, всклокоченный, неумытый...

— Ну, что? Какъ дьяконство-то? Посвятили?—спрашиваетъ его жена.

— Посвятили. Сейчасъ начну служить,—хриплымъ голосомъ отвѣчалъ Нилычъ.—Иди сама, коли хочется только, въ дьякона-то, а я пойду спать...

Какъ потомъ оказалось, онъ и у архіерея-то не былъ. Такъ и не состоялось посвященіе Нилыча въ діакона.

Несмотря на его суровый характеръ, на нѣкоторую грубость въ обращеніи, прихожане все-таки любили Нилыча. Всѣ привыкли къ нему и сроднились съ нимъ: онъ служилъ въ Суходолѣ болѣе тридцати лѣтъ. Его отчество „Нилычъ“ приобрѣло для прихожанъ своеобразный смыслъ: это слово отождествлялось съ понятіемъ «псаломщикъ», такъ, напр., про меня говорили, что я „хочу держать курсъ на Нилыча“, это значитъ—держать экзаменъ на псаломщика; псаломщики окрестныхъ селъ также всѣ именовались „Нилычами“.

Помню, разъ ходили мы съ Нилычемъ на Пасху съ молебнами. Закончили хожденіе и сѣли въ поданную намъ телѣгу. На крылечко, около котораго стояла наша телѣга, выходитъ «келейница», старая дѣвица.

— Все трудишься, Нилычъ, божья душа?—подперевъ рукою подбородокъ, начала келейница.

— Тружусь, тружусь, Протасьевна, пока Богъ грѣхамъ терпитъ. Нельзя не трудиться.

А благочестный старец сидитъ въ телѣгѣ, въ облѣзлой шапкѣ, въ старомъ, засаленномъ подрясникѣ, карманы котораго до того набиты яйцами, что не умѣщаются въ обширныхъ вмѣстилищахъ и вываливаются въ телѣгу.

При дружномъ смѣхѣ собравшейся толпы телѣга трогается, и мы отправляемся домой.

Священникъ *Симеонъ Васильевъ*.